

АСПИРАНТУРА КАК СРЕДСТВО СОВЕТИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Анализируется место и роль института аспирантуры в проведении государственной политики советизации в отношении высшей школы страны во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Проведение данной политики рассматривается на примере аспирантуры Томского государственного университета, который одним из первых в стране получил право вести подготовку аспирантов в 1925 г.

Ключевые слова: социальная политика; высшая школа; аспирантура; Томский университет.

Советизация являлась одним из основных направлений политики, проводимой государством в 1920–1930-е гг. в отношении высшей школы. По мнению новосибирского исследователя В.Л. Соскина, советизация высшей школы в 1920-е гг. проходила по двум направлениям. Первое заключалось в изменении и «завоевании» существующего профессорско-преподавательского корпуса вузов. Вторым важным направлением была «пролетаризация вузов», которая преследовала цель изменения социального состава студенчества и профессорско-преподавательского корпуса [1. С. 26]. В частности, она выражалась в том, что прием в аспирантуру, ставшую основной формой подготовки научно-педагогических кадров в стране с середины 1920-х гг., проводился при активном участии общественных и партийных организаций вуза. Последние были ориентированы на прием в аспирантуру лиц рабоче-крестьянского происхождения и партийных кадров. В рамках этой политики партийные органы проводили линию на укрепление зависимых от них студенческих организаций, которые активно противостояли старой «реакционной» профессуре и выдвигали «своих» кандидатов в аспирантуру. Причем они действовали так усердно, что нередко подвергались критике со стороны партийных органов за «неумеренность» [1. С. 24]. Исследователи Л.Б. Ус и С.Н. Ушакова называют набор в аспирантуру одной из наиболее частых причин «внутри-вузовских столкновений» в 1920-е гг. [2. С. 156].

Рассмотрим, как проходили эти процессы в данный период на примере одного из ведущих вузов страны – Томского государственного университета (ТГУ), который одним из первых получил право вести подготовку аспирантов (1925 г.). Как отмечалось выше, новшество аспирантуры, в отличие от существовавшего до революции 1917 г. института профессорских стипендиатов, состояло в том, что если раньше выбор кандидата для подготовки к научной деятельности всецело зависел от профессора, то теперь представление кандидатов осуществлялось предметными комиссиями вузов через отборочные комиссии. Выдвижение кандидатов в аспирантуру во всех вузах проводилось с обязательным участием вузовской общественности – партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Во всех указаниях и директивах центральных органов власти говорилось о том, что студенческие, общественные организации должны были быть ориентированы на проведение в научные работники лиц рабоче-крестьянского происхождения, активных общественников и коммунистов. Так, в постановлении XIII Всероссийского съезда Советов (апрель 1927 г.) подчерки-

валось, что правильный подбор и подготовка новых научных работников является одной из главных задач и что «должна быть всемерно облегчена подготовка к научной деятельности представителям рабоче-крестьянской молодежи, проявившим желание и способности к этому рода работе» [3. С. 39].

Поэтому нередко между студенчеством и профессорско-преподавательским составом возникали конфликты на почве выдвижения кандидатов для подготовки к научно-педагогической деятельности. Студенчество выдвигало кандидатов из среды студентов старших курсов, в первую очередь, активно участвовавших в общественной работе и имевших пролетарское происхождение. Часть профессуры сопротивлялась этому, предлагая своих кандидатов, которых они считали более способными к занятиям научной деятельностью. Особенно резкое возражение со стороны профессоров вызывали кандидаты-коммунисты, активно работавшие в общественных организациях, в органах управления вузами, но не отличавшиеся в учебе. Выдвиженцам-коммунистам руководители некоторых кафедр не оказывали поддержки в подготовке по специальности. Например, непростая ситуация сложилась при обсуждении в 1927 г. в отборочной комиссии ТГУ кандидатуры в аспиранты по кафедре органической химии А.И. Гершевича. Против него выступил почти весь преподавательский состав химического отделения. Научный руководитель А.И. Гершевича профессор Б.В. Тронов обвинил профессуру в отрицательном отношении к своему ученику из-за его «активной общественной деятельности среди студенчества» [4. Л. 46–48]. При поступлении в аспирантуру ТГУ в 1926 г. большинство кандидатов, предложенных профессорами (Е.А. Крюгер, Н.Г. Забегалов, Я.А. Эголинский и др.), были забаллотированы представителем студенческой фракции по причине якобы их слабой общественной работы в вузе [4. Л. 78; 6. Л. 76–77]. Однако все они при поддержке профессоров были избраны в аспиранты и в конечном итоге утверждены Государственным ученым советом (ГУС). В том же году партийная организация ТГУ выступила против избрания в аспиранты по медфаку студента В.Г. Елисеева (впоследствии доктор медицинских наук, профессор) – сына казака, до революции члена партии эсеров [5. Л. 32–33]. Но в итоге он также был избран в аспиранты.

Таким образом, в Томском университете в этих спорах мнение профессоров в основном всегда оказывалось решающим. Это объясняется тем, что в университете существовала острая нехватка молодых преподавательских кадров. Указывая на эту важнейшую про-

блему, профессора старались провести в аспирантуру своих студентов, работавших под их руководством в течение длительного времени. Ректор университета профессор В.Н. Саввин обвинял представителей студенчества в том, что те своими действиями ставили под угрозу выполнение постоянных просьб Томского университета об увеличении количества аспирантских мест, тогда как, по его словам, только таким путем предоставлялась возможность «пополнять в будущем кадры научных работников в вузах г. Томска» [6. Л. 81а].

Эти примеры еще раз подтверждают тезис о том, что характерное в целом для страны в этот период сочетание «мягких» и «жестких» установок в отношении власти к интеллигенции более ярко проявлялось в Сибири, где ощущался острый дефицит научных кадров высшей квалификации. Местные партийные и комсомольские ячейки, радикально настроенные студенты нередко даже высказывали несогласие с политикой центральной власти, считая ее слишком либеральной [2. С. 156]. В результате в конце 1920-х гг. состав аспирантуры ТГУ ни по социальному, ни по партийному признаку не удовлетворял предъявляемым государством и партией требованиям. В 1928/29 учебном году из 14 аспирантов ТГУ не было ни одного члена партии или ВЛКСМ, а 8 аспирантов были по происхождению из служащих [7. Л. 26]. Ситуация в ТГУ не была исключительной. Так, коллегия Наркомпроса по материалам проверки Казанского университета в декабре 1930 г. признала «безусловно неудовлетворительным» социальный состав аспирантов и рекомендовала зачисление лиц из числа «служащих» и «прочих» допускать только в исключительных случаях [8. С. 334].

Институт студентов-выдвиженцев, призванный стать «мощным средством пролетаризации» вузов [1. С. 26] путем подготовки кадров для аспирантуры, в первую очередь из студентов рабоче-крестьянского происхождения и партийцев, поначалу также не решал эту проблему. В 1928/29 учебном году из 28 выдвиженцев медицинского факультета ТГУ только 9 были рабоче-крестьянского происхождения, а 19 – из служащих. Правда, членов партии и комсомола среди них было 18 человек [7. Л. 25].

В это время принимается целый ряд постановлений, и отдаются распоряжения, требовавшие усилить отбор по социальному признаку и увеличить рабоче-крестьянскую и партийно-комсомольскую часть среди аспирантов. В частности, в Постановлении ЦК ВКП (б) «О научных кадрах ВКП (б)» от 26 июня 1929 г. от общественных организаций требовалось принимать более активное участие в выдвижении новых аспирантов и соблюдать классовый принцип в подборе аспирантов [9. С. 524–525]. В циркуляре Наркомпроса вузам перед приемом аспирантов на 1930/31 учебный год говорилось: «Необходимо, чтобы в этом приеме было усилено пролетарское ядро с повышением процента состава коммунистов и членов ВЛКСМ» [10. Л. 12]. В постановлении правления ТГУ от 13 июня 1929 г. об аспирантах и выдвиженцах ТГУ содержалось требование принять «самые решительные меры по улучшению социального состава аспирантов и выдвиженцев, проводя отбор по классовому признаку с одновременным учетом пригодности кандидатов к научно-исследо-

вательской работе». В постановлении ставилась задача «изучить вопрос о причинах слабого пополнения аспирантских рядов партийцами и комсомольцами...». Объем марксистской подготовки аспирантов был доведен до 2 лет [11. Л. 36].

Партийность и рабоче-крестьянское происхождение кандидата в аспиранты стали иметь первостепенное значение при приеме в аспирантуру. Так, директор ТГУ Д.В. Горфин на заседании Ученого совета университета, состоявшемся в марте 1931 г., в следующих словах охарактеризовал ситуацию с набором в аспирантуру: «Университету требуется 60 аспирантов, из них 30 человек уже набрано. Учтены при наборе и социальное положение, и партийность...» [12. Л. 1]. Если в 1929/30 учебном году из 15 аспирантов ТГУ 7 были рабоче-крестьянского происхождения и 4 – членами ВКП (б), то уже в 1931 г. 84,6% аспирантов ТГУ составляли выходцы из рабочих и крестьян, и при этом 67% составили члены партии и комсомола [13. Л. 238–241]. В 1932 г. из 60 аспирантов уже 49 человек были из рабочих и крестьян (81,6%) [14. Л. 53].

Скрывавшие свое истинное социальное происхождение исключались из вуза, в том числе и из аспирантуры. Еще Постановлением Коллегии НКП РСФСР от 23 мая 1929 г. «О чистках в вузах, рабфаках и техникумах» правила исключения учащихся по мотивам академического характера дополнялись правилами исключения лиц, лишенных избирательных прав; намеренно скрывших свое социальное происхождение, социальное положение при поступлении в вуз; обнаруживших антисоветское поведение во время пребывания в учебном заведении, выразившееся в выступлениях, враждебных Советскому государству, а также в активном антисемитизме; осужденных за уголовные преступления [15. Л. 122]. Так, в 1935 г. из аспирантуры ТГУ был отчислен аспирант Ф.И. Вовк (впоследствии известный ученый-ихтиолог) как скрывший свое социальное положение (кулак-лишенец) [16. Л. 62–63]. Аспирант кафедры электромагнитных колебаний Ф.Д. Валеев был отчислен за «связь с чуждыми элементами (кулачество, нэпманы)» [14. Л. 71]. По решению дирекции и общественности университета из числа аспирантов в 1932 г. был исключен аспирант-химик Н.В. Шмаков. Главной причиной исключения стали его «антисоветские высказывания» о том, что «колхозы созданы насильно, о достижениях всех врут – кругом развал, Сталин всех завел» и т.п. [17. Л. 115]. В вину ему ставились также «выпады антисемитского характера» в общезнании. Исходя из всего этого специально созданная комиссия решила, что «идеологически разложившемуся Шмакову не место в рядах аспирантуры» [14. Л. 115]. Следует отметить, что в Томском университете число исключенных из аспирантуры было не так уж и велико. В Казанском университете, например, только с января по июнь 1933 г. из аспирантуры было отчислено 30 человек «за скрытие социального происхождения, за неуспеваемость, за опоздание на учебу, за самовольный отъезд, за подрыв дисциплины и т.п.» [8. С. 334].

Некоторым «классово чуждым элементам», все-таки принятым в аспирантуру, приходилось работать в довольно тяжелых условиях. Так, аспирант СФТИ Н.А. Бессонов (впоследствии кандидат физико-мате-

матических наук, декан физико-математического факультета Минского государственного педагогического института) на заседании бюро аспирантов ТГУ в сентябре 1929 г. говорил о том, что на продуктивность его работы повлияло «отношение к нему со стороны студенчества». Несколько раз в течение последнего года обучения он хотел бросить работу и уйти из аспирантуры. «То обстоятельство, – признавался он, – что меня считали идеологически чуждым элементом, угнетало меня и мешало спокойной работе» [18. Л. 105].

В результате последовательного проведения линии на регулирование социального состава к середине 1930-х гг. институт аспирантуры уже полностью отвечал ранее высказанным требованиям привлечь в науку молодежь из числа членов партии и комсомола, лиц рабоче-крестьянского происхождения. Если в 1935 г. партийно-комсомольская прослойка среди профессорско-преподавательского состава ТГУ оставалась сравнительно небольшой: из 120 профессоров, доцентов и преподавателей членами ВКП (б) были всего 8, членами ВЛКСМ – 6 [19. С. 55], то среди аспирантов членов партии и комсомола было 50% от общего состава (из 30 аспирантов 6 членов и кандидатов ВКП (б), 9 – ВЛКСМ); в 1936 г. – членов партии и комсомола было 46,4% [20. Л. 3]. Такое же положение складывалось и в целом по вузам Сибири. Так, если удельный вес членов партии среди профессоров вузов Сибири оставался незначительным на протяжении 1925–1930 гг. (от 4,9 до 7,1%), среди доцентов был немного выше (от 10,7 до 23,2%), то среди аспирантов партийно-комсомольская прослойка составил к 1932 г. 46,1% [21. С. 104–105]. Аналогично развивалась ситуация и с социальным со-

ставом научно-педагогических работников. Так, если рабоче-крестьянская прослойка среди профессорско-преподавательского корпуса ТГУ в 1935 г. составила 30,5% (а среди профессоров вообще 13,5%) [19. С. 38], то среди аспирантов уже в 1933 г. 75% были рабоче-крестьянского происхождения. Формально все ограничения, связанные с социальным происхождением, для лиц, поступающих в учебные заведения, были отменены только в 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы» в связи с «изменением соотношения классовых сил в СССР». К этому времени рабоче-крестьянская прослойка среди аспирантов ТГУ составляла около 70%.

Таким образом, если во второй половине 1920-х гг. аспирантура не выполняла возлагаемые на нее функции в русле проводимой государством политики на ее «пролетаризацию», то в первой половине 1930-х гг. она уже стала отвечать требованиям формирования новой советской научной интеллигенции. Однако проведение этой политики отрицательным образом сказалось на эффективности работы аспирантуры. Поскольку при приеме в аспирантуру в основном обращали внимание на социальное происхождение и партийность кандидата, то фактору его академической успеваемости, склонности к научной деятельности не уделяли должного внимания. В результате в аспирантуре оказалось большое количество лиц, явно не подготовленных к научно-педагогической деятельности. Лишь с 1933 г. в связи с неудовлетворительным состоянием подготовки научных кадров при приеме в аспирантуру стало уделяться больше внимания деловым качествам кандидата в аспиранты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соскин В.Л.* Советизация высшей школы Сибири в 1917–1920-е гг.: сущность, направления, этапы // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала : сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск : Сова, 2008. С. 6–28.
2. *Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности.* Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.
3. *Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967 гг.)* / под ред. В.П. Елютина. М. : Высшая школа, 1967. 272 с.
4. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 56.
5. *Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).* Ф. 115. Оп. 2. Д. 10.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 286.
7. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1911.
8. *История Казанского университета.* Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.
9. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986).* Т. 4: 1926–1929. 9-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1984. 575 с.
10. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 276.
11. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 442.
12. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1892.
13. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1934.
14. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1915.
15. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 459.
16. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1956.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 25.
18. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 453.
19. *Литвинов А.В.* Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 238 с.
20. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 148.
21. *Кликушин М.В.* Изменение в источниках и формах комплектования отряда ученых Сибири (1928–1932 годы) // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск : Наука, 1991. С. 91–107.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 мая 2011 г.